

АЛЬБОМ КАНОНИКА АЛЬБЕРИКА

Сен-Бертран-де-Комменж — захудалое селение на отрогах Пиреней, недалеко от Тулузы и в двух шагах от Баньер-де-Люшон. До революции там располагался епископский престол; имеется собор, который посещает немало туристов. Весной 1883 года в этот старомодный уголок (не насчитывающий и тысячи жителей, он едва ли заслуживает названия «город») прибыл один англичанин, выбравшийся в Сен-Бертран-де-Комменж специально, чтобы посетить церковь Святого Бертрана. Он был из Кембриджа, гостил в Тулузе, где оставил в гостинице под обещание на следующее утро к нему присоединиться двоих друзей, не таких страстных археологов, как он сам. Им на осмотр церкви было достаточно полчаса, а потом все трое собирались двинуться дальше, в направлении Оша. Но наш англичанин приехал в день, о котором идет речь, с утра пораньше и обещал себе подробно описать и сфотографировать каждый уголок этой чудесной церкви на вершине холма Комменж, для чего были приготовлены новая записная книжка и несколько дюжин фотопластинок. Чтобы исполнить это намерение со всей добросовестностью, анг-

личанину нужно было на весь день заручиться помощью церковного служителя. За ним (предпочитаю именовать его причетником, пусть это и неточно), соответственно, послали, о чем распорядилась довольно бесцеремонная дама, хозяйка гостиницы «Шапо Руж», и, когда он пришел, англичанин совершенно неожиданно открыл в нем интересный объект для изучения. Любопытство вызывала не наружность причетника (таких маленьких сухоньких старичков во французских церквах полным-полно), а на удивление уклончивая манера держаться вкупе с настроженным взглядом. Он постоянно оборачивался, дергал шеей и нервно сутулился, словно боялся, что кто-то нападет на него сзади. Англичанин не знал, к какому типу людей его отнести: к тем, кого преследует наваждение, мучает совесть или угнетает злая жена. Последняя идея представлялась в итоге наиболее вероятной, и все же трудно было вообразить себе мегеру, способную поселить в человеке такую панику.

Как бы то ни было, англичанин (назовем его Деннистон) вскоре с головой ушел в свои записи и фотографии и перестал обращать внимание на причетника. Бросая в сторону причетника случайный взгляд, Деннистон каждый раз заставлял его либо жмушиться к стене, либо сидящим в согбенной позе на одной из роскошных алтарных скамей. Через некоторое время Деннистон почувствовал неловкость. В голову полезли подозрения: что он задерживает старика, которому пора на *déjeuner*¹, что его считают способным сбежать с вырезанным из слоновой кости посохом свя-

¹ Обед (*фр.*).

того Бертрана или с пыльным чучелом крокодила, которое висело над купелью.

— Может, вам хочется домой? — спросил он наконец. — Мне больше не потребуется помощник; если желаете, можете меня запереть. Работы осталось еще часа на два, а вы, кажется, озябли.

— Боже упаси! — воскликнул старичок, которого это предложение почему-то повергло в неопишуемый ужас. — Такое просто невымыслимо! Оставить месье в церкви одного? Нет-нет, мне все равно, я посижу и два часа, и три. Позавтракал я плотно, одет тепло; спасибо месье за заботу.

«Ну дружок, — подумал Деннистон, — сам напросился. Я предупреждал».

К исходу второго часа все — и алтарные скамьи, и громадный ветхий орган, и алтарная преграда епископа Жана де Молеона, и остатки витражей и шпалер, и содержимое сокровищницы — было самым тщательным образом изучено; причетник меж тем ходил за Деннистоном по пятам и при каждом шорохе, каковые неизбежны в обширных пустых помещениях, дергался, как укушенный. А шорохи порой случались странного свойства.

«Однажды, — рассказывал мне Деннистон, — на самом верху башни отчетливо послышался тонкий, звонкий, как металл, смешок. Я бросил испытующий взгляд на причетника. Он побелел как полотно. „Это он... то есть... никого нет; дверь заперта“, — выдавил он из себя, и мы добрую минуту не сводили друг с друга глаз».

И еще один случай заставил Деннистона задуматься. Он изучал большую темную картину, что ви-

сит за алтарем, — одну из серии, живописующей чудеса святого Бертрана. Композиция картины почти неразличима, но снизу имеется латинская надпись, гласящая:

*Qualiter S. Bertrandus liberavit hominem quem diabolus
diu colebat strangulare.*

*(Как святой Бертран спас человека,
которого дьявол замыслил задушить.)*

Деннистон с улыбкой повернулся, готовясь пошутить, но растерялся: старик стоял на коленях и созерцал картину с отчаянной мольбой в глазах, ладони его были стиснуты, по щекам потоком текли слезы. Деннистон, разумеется, сделал вид, будто ничего не заметил, однако не мог не задаться вопросом: «Как могла эта мазня так сильно кого-то поразить?» Деннистону показалось, что он догадывается, почему причетник весь день выглядел так странно: церковнослужитель — одержимый, вот только в чем заключается его одержимость?

Время близилось к пяти, короткий день заканчивался, и церковь стала наполняться тенью; притом непонятные шумы — приглушенные шаги и отдаленные голоса, не умолкавшие весь день, — начали повторяться чаще и отчетливей; объяснение, несомненно, заключалось в том, что в полутьме обостряется восприятие звуков.

Впервые причетник выказал признаки спешки и нетерпения. Когда фотоаппарат и записная книжка были наконец отложены в сторону, он со вздохом облегчения указал Деннистону на западный портал церкви, располагавшийся под башней. Настало время звонить «Ангелюс». Несколько рывков непослушной

веревки — и большой колокол Бертрана заговорил на вершине башни, и его голос, взлетая к сосновому лесу и спускаясь в долины, перекликаясь с горными ручьями, призвал обитателей одиноких холмов вспомнить и повторить приветствие, которое ангелы обращают к Той, Которую зовут «благословенной между женами». Казалось, впервые за этот день на городок опустилось глубокое спокойствие, и Деннистон с причетником вышли за порог.

У дверей они разговорились.

— Месье вроде бы интересовался старыми церковными книгами из ризницы?

— Именно. Я собирался вас спросить, нет ли в селе библиотеки.

— Нет, месье; то есть раньше, наверно, была и принадлежала капитулу, но нынче народу здесь живет так мало... — Последовала странная нерешительная пауза, а потом причетник, словно набравшись храбрости, продолжил: — Но раз месье — *amateur des vieux livres*¹, у меня дома для вас кое-что нашлось бы. Это в какой-то сотне ярдов.

Мгновенно в голове у Деннистона вспыхнули давно лелеемые мечты о том, как ему попадают где-то в нехоженном уголке Франции бесценные манускрипты, — вспыхнули и тут же погасли. Какой-нибудь обычный миссал года приблизительно 1580-го, от Плантена — вот о чем, вероятно, шла речь. Вряд ли в такой близости от Тулузы сохранился хоть один уголок, не обысканный коллекционерами. Но в любом случае было бы глупо не пойти; а то потом замучаешь себя упреками. И они отправились. В пути

¹ Любитель старинных книг (*фр.*).

он вспомнил о непонятном поведении причетника — его колебаниях и внезапной решимости — и, перебив неловкость, задал себе вопрос: что, если его спутник замыслил заманить богатого англичанина в ловушку и покончить с ним? И он, затеяв с причетником разговор, стал довольно неуклюже намекать на то, что завтра утром к нему приедут двое друзей. Как ни странно, это известие явно освободило причетника от снедавшей его тревоги.

— Хорошо, — промолвил он чуть ли не с радостью, — это очень хорошо. Месье встретится с двумя друзьями, они все время будут рядом. Путешествовать в компании — это самое лучшее... иногда.

Последнее слово бедняга добавил чуть погодя и после снова впал в грустную задумчивость.

Вскоре оказался дом причетника: больше соседских, каменный, с резным гербом над дверью, а именно гербом Альберика де Молеона, потомка по боковой линии (как говорит мне Деннистон) епископа Жана де Молеона. Указанный Альберик служил каноником Комменжа с 1680 по 1701 год. Верхние окна были заколочены, и на всей усадьбе, как и на остальном Комменже, лежала печать упадка и запустения.

У дверей причетник немного помедлил.

— Но может быть, — проговорил он, — у месье все же нет времени?

— Да нет же... времени полно... до завтрашнего дня я совершенно свободен. Давайте посмотрим, чем вы располагаете.

Тут дверь открылась, и в проеме показалось лицо — молодое, в отличие от лица причетника, но тоже отмеченное заботой; только это был не страх за себя,

а забота о благополучии другого человека. Очевидно, передо мной стояла дочь причетника, и, если оставить в стороне выражение лица, ее можно было назвать красавицей. Увидев при отце физически крепкого провожатого-иностранца, она заметно приободрилась. Между отцом и дочерью состоялся краткий разговор, из которого Деннистон разобрал лишь реплику причетника «он смеялся в церкви», на что девушка ответила взглядом, исполненным ужаса.

Но в следующую минуту они оказались в гостиной — небольшой комнате с высоким потолком и каменным полом; в огромном камине пылали дрова, по стенам бегали отсветы. Высокое, едва ли не до потолка, распятие на стене делало комнату похожей на молельню; тело Спасителя было раскрашено в натуральные тона, крест был черный. Под ним стоял сундук, довольно старый и основательный, и, когда в комнату внесли лампу и расставили стулья, причетник, все больше волнуясь, извлек из него, как показалось Деннистону, большую книгу, которая была завернута в белую ткань с примитивной красной вышивкой в виде креста. Еще в обертке книга заинтересовала Деннистона своим размером и формой. «Для миссала слишком велика, — подумал он, — а для антифонария не та форма. Может, все же это окажется что-то недурное». Тут причетник открыл книгу, и Деннистону стало ясно, что перед ним наконец находка не просто недурная, а поистине превосходная. Это было большое фолио, переплетенное, вероятно, в конце семнадцатого века, с тисненными золотом гербами каноника Альберика де Молеона по обеим сторонам. Количество листов приближалось, наверное, к ста пя-

тидесяти, и к каждому была прикреплена страница иллюминированного манускрипта. Подобная коллекция не грезилась Деннистону даже в самых смелых мечтах. Десять страниц из Евангелия с картинками относились году к семисотому, не позднее. Имелся полный комплект миниатюр из Псалтири наитончайшей английской работы тринадцатого века, а кроме того, то, что, пожалуй, было лучше всего: два десятка страниц латыни унциального письма, в которых Деннистон, судя по нескольким разрозненным словам, сразу опознал какой-то неизвестный и очень ранний патристический трактат. Не был ли это фрагмент «Изречений Господних» Папия — трактата, о котором известно, что в последний раз его видели в двенадцатом веке в Ниме?¹ Как бы то ни было, решение созрело сразу: Деннистон должен вернуться в Кембридж с этой книгой, пусть даже для этого придется забрать из банка всю наличность и сидеть в Сен-Бертране, пока не прибудет новая. Он поднял глаза на причетника, ища в его лице намек на готовность продать книгу. Причетник был бледен и жевал губами.

— Не желает ли месье досмотреть до конца? — предложил он.

Месье принялся листать дальше, постоянно обнаруживая новые и новые сокровища, и в конце наткнулся на два бумажных листа, значительно более поздних, чем все остальное, которые изрядно его удивили. Они относились, как он решил, ко времени самого нечистого на руку каноника Альберика, чей бесценный альбом, несомненно, был составлен из награб-

¹ Теперь нам точно известно, что эти листы содержали значительный фрагмент, если не весь труд целиком.

ленного в библиотеке капитула Святого Бертрана. На первом листе был аккуратно начерченный план, на котором человек осведомленный тотчас узнал бы неф и клуатр здешнего собора. Имелись странные значки, похожие на символы планет, и в уголках — несколько древнееврейских слов; в северо-западном углу клуатра был проставлен золотой краской крестик. Под планом стояла латинская надпись в несколько строчек:

Responsa 12^{mi} Dec. 1694.

Interrogatum est: Inoeniamne? Responsum est: Inoenies.

Fiamne dives? Fies.

Vioamne inoidendus? Vives.

Moriarne in lecto meo? Ita.

(Ответы от 12 декабря 1694 года.)

Спрошено: Найду ли я его? Ответ: Найдешь.

Сделаюсь ли я богачом? Сделаешься.

Станут ли мне завидовать? Станут.

Умру ли я в своей постели? Умрешь.)

«Записки кладоискателя, типичный образчик. Напомнило младшего каноника Куотермейна из „Старого собора Святого Павла“, — прокомментировал про себя Деннистон и перевернул страницу.

То, что он увидел далее, как неоднократно говорил мне Деннистон, поразило его так, как не могли бы поразить ни одна другая картина или рисунок. И хотя указанное изображение более не существует, осталась его фотография (она у меня), которая полностью подтверждает эти слова. Оно было выполнено сепией, относилось к концу семнадцатого века и представляло, как казалось на первый взгляд, библейскую сцену: архитектура (на картине был запечатлен интерь-

ер) и фигуры были выполнены в полуклассической манере, какую художники два века назад считали уместной при иллюстрировании Библии. Справа сидел на троне царь; возвышение в двенадцать ступенек, балдахин сверху, львы по сторонам — все свидетельствовало о том, что это царь Соломон. Он клонился вперед в повелительной позе и простирали скипетр: на лице отражались ужас и отвращение, но проглядывали также сила, мощь и властная уверенность. Однако самое поразительное заключалось в левой части картины. Именно она приковывала к себе основное внимание. На мощном полу перед тронном четверо солдат окружали согнутую фигуру, которую я скоро опишу. Пятый солдат лежал на плитах со свернутой шеей, глаза его вылезали из орбит. Четверо остальных глядели на царя. На их лицах была написана паника; похоже, от бегства их удерживало только безоговорочное доверие к повелителю. Причиной переполоха служило, очевидно, скорчившееся существо в середине круга. Я совершенно бессилён описать словами, какое впечатление оно производит на зрителя. Помню, однажды я показал эту фотографию одному преподавателю морфологии — человеку, я бы сказал, до ненормальности здравомыслящему и напрочь лишенному воображения. Он настоял на том, чтобы провести остаток этого вечера не в одиночестве, и, как я узнал от него впоследствии, еще много-много ночей боялся тушить свет перед отходом ко сну. Однако я могу по крайней мере обозначить главные черты этого персонажа. Первое, что видишь, — это путаница жестких черных волос; далее проступает тело — пугающе тощее, похожее на скелет, но в узлах

мышц. Тускло-бледные руки, тоже поросшие длинным грубым волосом, заканчиваются чудовищными когтями. Горящие желтым огнем глаза с густо-черными зрачками глядят на сидящего на троне царя со звериной ненавистью. Представьте себе южноамериканского паука-птицееда, принявшего человеческий облик и наделенного едва ли не человеческим умом, — и вы получите отдаленное представление о том, какой ужас внушало это мерзкое создание. Все, кому я показывал картину, говорили в один голос: «Это написано с натуры».

Едва оправившись от приступа страха, Деннистон украдкой взглянул на хозяина дома. Причетник прикрывал глаза руками: его дочь, глядя на распятие на стене, лихорадочно читала молитвы.

Наконец прозвучал вопрос:

— Эта книга продается?

Вслед за прежними эмоциями — замешательством и затем решимостью — прозвучал благоприятный ответ:

— Если угодно месье.

— Сколько вы за нее возьмете?

— Двести пятьдесят франков.

Деннистон растерялся. Даже у коллекционеров временами просыпается совесть, а совесть Деннистона была чувствительней, чем коллекционерская.

— Дружище! — вновь и вновь повторял он. — Ваша книга стоит больше чем двести пятьдесят франков. Уверяю вас, гораздо больше!

Но ответ оставался прежним:

— Я возьму двести пятьдесят франков, и ни франком больше.

Отказаться от такой удачи было бы немислимо Деньги были уплачены, расписка выдана, сделка обмыта стаканчиком вина, и причетник превратился в другого человека. Он выпрямил спину, перестал беспокойно оглядываться, он даже засмеялся — или сделал попытку. Деннистон приготовился уйти.

— Не позволит ли мне месье проводить его до гостиницы? — спросил причетник.

— Нет, спасибо. Это всего в сотне ярдов. Дорога мне хорошо известна, к тому же светит луна.

Причетник повторил свое предложение, наверное, трижды или четырежды — и неизменно получал отказ.

— Тогда пусть месье меня позовет, если... если понадобится. Лучше держаться середины дороги, обочины такие ухабистые.

— Конечно-конечно, — кивнул Деннистон, изнывая от нетерпеливого желаня в одиночестве изучить свою драгоценную добычу. С книгой под мышкой он вышел в коридор.

Здесь он наткнулся на дочь причетника, которая, решил он, замыслила свой небольшой бизнес: подобно Гиезию, «добрать» с иностранца то, что недобрал ее отец.

— Серебряное распятие на цепочке — повесить на шею. Месье ведь не откажется его принять?

По правде, Деннистон не видел особой нужды в этих предметах. И сколько мадемуазель за них хочет?

— Нисколько... совсем нисколько. Месье очень обяжет меня, если возьмет.

Сказано это было настолько искренне, что Деннистон рассыпался в благодарностях и подставил шею. В самом деле, можно было подумать, что он оказал отцу и дочери милость, за которую они не знали, как отплатить. Стоя в дверях, они провожали его взглядом, пока он не махнул им на прощание рукой со ступеней «Шапо Руж».

После ужина Деннистон уединился в спальне со своим приобретением. Когда он рассказал хозяйке, что заходил к причетнику и купил у него старую книгу, она начала проявлять к нему особый интерес. Также ему почудилось, будто он слышит мимолетный разговор хозяйки и этого самого причетника, состоявшийся в коридоре у *salle à manger*¹ и завершившийся фразой: «Пусть в доме ночуют Пьер с Бертрамом».

Все это время в нем нарастало какое-то беспокойство — вероятно, нервная реакция после восторгов от находки. Оно свелось к стойкому ощущению, что позади него кто-то есть и лучше будет прислониться спиной к стене. Всеми этими мелочами, однако, можно было пренебречь, памятуя о ценности собрания, которое он приобрел. И вот, как уже сказано, Деннистон уединился в спальне с коллекцией каноника Альберика, в которой обнаруживал все новые и новые жемчужины.

— Благословенный каноник Альберик! — произнес Деннистон, усвоивший привычку разговаривать с самим собою вслух. — Знать бы, где он нынче? Бог мой! Ну и смех у хозяйки — можно подумать, в доме кто-то умер. Еще полтрубки, говоришь? Думаю, ты

¹ Столовой (*фр.*).

прав. Интересно, что за распятие навязала мне та девушка? Полагаю, прошлое столетие. Да, скорее всего. Тяжелое слишком — давит шею. Похоже, ее отец носил его не один год. Нужно будет его почистить, прежде чем спрячу.

Сняв распятие и положив на стол, он заметил, что на красной скатерти у его левого локтя что-то лежит. В голове у Деннистона стремительно промелькнуло несколько предположений:

«Перочистка? Нет, их нет в доме. Крыса? Нет, слишком черное. Большой паук? Боже упаси — нет. О господи! Да это рука, такая же, как на картинке!»

Осознание заняло миг-другой. Бледная тусклая кожа, а под ней ничего, кроме костей и поражающих своей мощностью жил; жесткий черный волос, какого не бывает на человеческих руках; на пальцах — острые загнутые когти, грубые и корявые.

Охваченный смертельным, неисповедимым ужасом, Деннистон вскочил на ноги. Фантом, опиравшийся левой рукой о стол, стоял позади, его согнутая правая рука нависала над головой ученого. Он был закутан в какое-то изодранное одеяние; грубый волосяной покров живо напоминал изображение на картине. Нижняя челюсть укороченная, я бы сказал, ужатая, как у зверя; за черными губами видны зубы; носа нет; глаза огненно-желтые, зрачок на их фоне совсем смоляной; сверкавшая в них кровожадная ярость пугала в этом видении больше всего. Притом в них проглядывал и некоторый ум — выше звериного, но ниже человеческого.

Жуткое зрелище вытеснило из чувств Деннистона все, кроме необузданного страха, из разума — все,

СОДЕРЖАНИЕ

Альбом каноника Альберика. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	5
Меццо-тинто. <i>Перевод Н. Дьяконовой</i>	22
Ясень. <i>Перевод Н. Rogовской</i>	39
Номер 13. <i>Перевод Н. Rogовской</i>	59
Граф Магнус. <i>Перевод В. Харитонова</i>	82
«Ты свистни — тебя не заставлю я ждать» <i>Перевод Л. Бриловой</i>	99
Подброшенные руны. <i>Перевод С. Антонова</i>	127
Мартинова доля. <i>Перевод Е. Матвеевой</i>	162
Мистер Хамфриз и его наследство <i>Перевод Л. Бриловой</i>	188
Дом при Уитминстерской церкви <i>Перевод Л. Бриловой</i>	226
Кукольный дом с привидениями <i>Перевод С. Антонова</i>	260
Соседская межа. <i>Перевод Н. Rogовской</i>	278
Вид с холма. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	297
Предостережение любопытным <i>Перевод Л. Бриловой</i>	322
Вечернее развлечение. <i>Перевод А. Липинской</i>	347
Злокозненность мира вещей <i>Перевод С. Антонова</i>	361
Зарисовка. <i>Перевод С. Антонова</i>	369
Комментарии. <i>С. А. Антонов</i>	377

Джеймс М. Р.

Д 40 Рассказы о привидениях / Монтегю Родс Джеймс ; пер. с англ. С. Антонова, Л. Бриловой, Н. Дьяконовой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22297-7

«Рассказы о привидениях» («ghost stories») — литературный жанр, известный с древнейших времен. Истории о призраках можно найти в книгах античных писателей, в устных народных сказаниях и даже в свитках Древнего Египта. Вполне вероятно, что существование привидений смущало и увлекало человека во времена, когда письменность еще не была изобретена. Английский писатель и историк Монтегю Родс Джеймс посвятил этому жанру все свои художественные произведения, став крупнейшим мастером «рассказов о привидениях». Его творчеством восхищались Говард Филлипс Лавкрафт, Кларк Эштон Смит, Хорхе Луис Борхес и Стивен Кинг. Многие его рассказы были экранизированы, а имя автора неизменно появляется во всех списках наиболее значимых писателей, творивших в жанре мистики.

В настоящее издание вошли избранные рассказы о привидениях М. Р. Джеймса, каждый из которых представляет собой безусловный шедевр малой прозы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

МОНТЕГЮ РОДС ДЖЕЙМС
РАССКАЗЫ О ПРИВИДЕНИЯХ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.12.2022. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 19,74.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Y-AKB-31261-01-R